
Юрий Краюшкин
Асы войны
18+

Юрий Краюшкин
Асы войны

https://litres.ru/74754188
SelfPub; 2026

Аннотация

Небо пахнет керосином и кровью. Каждый день здесь — это выбор: сесть в кабину или лечь под брезент. Я лейтенант Соколов. Я вожу «Як» в бой, сбиваю немцев и возвращаюсь на аэродром, где земля пропитана бензином.

У меня нет времени на жалость. У меня нет времени на любовь.

Но однажды на бетонку выходит девушка в сером пальто. Аня. Медсестра. Она несет чемодан, в котором нет ничего, кроме бинтов, и смотрит на мертвых без страха. Ее руки по локоть в чужой крови. Она спасает тех, кого я отправляю в небо.

Война ломает всех. Но иногда она сталкивает людей так сильно, что они держатся друг за друга, потому что больше не за что.

Она боится не смерти. Она боится, что я не вернусь. Я боюсь, что вернусь, а ее уже нет. За спиной у нас — прошлое. Мое. Ее. Общее. Которое мы не выбирали.

Это история о том, как любовь рождается под грохот зениток. О том, как два человека пытаются выжить в мире, где завтра

может не наступить. И о том, что даже на войне есть место не только смерти.

Содержание

Глава 1. Керосин и кровь 5
Глава 2. Спирт и бинты 10
Глава 3. Утренний вылет 14
Глава 4. Новая земля 19
Глава 5. Грязь 25
Глава 6. Тишина перед боем 29
Глава 7. Ночь после боя 34
Глава 8. Три вылета 38
Глава 9. Немец за перелеском 42
Глава 10. В окопах 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Юрий Краюшкин
Асы войны

Глава 1. Керосин и кровь

Самолет пахнет керосином и горелой резиной. Над аэродромом стоит дым. Черный. Жирный. Он лезет в нос, оседает на зубах.

Слева горит немец. Двигатель ревет, тянет вниз. Пилот не прыгает. Крыло цепляет ангар. Взрыв бьет по ушам. Осколки стучат по жести.

Я стою у капота своего «Яка». Пальцы в масле. Механик стучит гаечным ключом по стойке шасси.

— Трещина, командир. — Он сплевывает на бетон. — Полчаса. Не меньше.

— Двадцать минут. — Я смотрю на часы. — Немцы подойдут.

Он качает головой. Берет кувалду. Бьет по металлу. Звук жесткий, звонкий.

Зенитка справа делает три выстрела. Гильзы падают на землю. Тяжелые, горячие. Одна катится мне под сапог. Я откидываю ее носком.

Ветер несет запах гари. И еще один запах. Сладкий, тошнотворный. Жженое мясо. Я дышу ртом. Привычка.

Ко мне подходит комиссар. У него перевязана рука. Бинт бурый от крови.

— Командир. — Он говорит хрипло. — Второй вылет за сегодня. Люди устали.

— Люди мертвы. — Я вытираю руки ветошью. — Остальные полетят.

Он открывает рот. Закрывает. Кивает. Уходит к штабу.

Из-за угла ангара выходит девушка. В сером пальто. На плечах вода. Дождь прошел утром, грязь не высохла. Она несет чемодан. Кожаный, потертый. Идет прямо по лужам. Не смотрит под ноги.

Останавливается в двух шагах. Смотрит на меня. Ветер треплет ее волосы. Она их не убирает. Руки заняты.

— Лейтенант Соколов? — Голос ровный. Без дрожи.

— Соколов. — Я смотрю на чемодан. — Гражданским здесь не место.

— Я не гражданская. — Она ставит чемодан на бетон. Щелкает замками. Достает бумагу. Протягивает. — Приказ. Медсестра. Направление в вашу эскадрилью.

Я беру бумагу. Читаю. Печать настоящая. Подпись генерала. Складка на листе. Бумага пахнет духами. Или это от нее.

— Медсестра. — Я возвращаю лист. — У нас нет госпиталя. Только палатка. И та простреляна.

— Знаю. — Она застегивает чемодан. — Поэтому я здесь.

Сзади ревет мотор. Мимо проезжает полуторка. Грузо-

вик трясет на ухабах. Из кузова торчат сапоги. Много сапог. Мертвые.

Девушка поворачивает голову. Смотрит. Долго. Потом снова на меня.

— Куда прикажете? — спрашивает она.

— В палатку. — Я киваю на дальний край поля. — Там кровь. Много крови.

— Я привыкла.

Она берет чемодан. Идет по грязи. Спина прямая. Сапоги чавкают. Она не оборачивается.

Механик бьет кувалдой. Металл звенит.

— Двадцать минут, командир, — говорит он.

— Пятнадцать. — Я надеваю шлем. Кожа скрипит. — Иначе нас тут закопают.

Пришли немцы через десять минут.

Три «Мессера». Заходят с солнца. Свист стоит в воздухе. Я бегу к кабине. Прыгаю на крыло. Руки скользят по металлу.

— Запускай! — ору механику.

Он крутит винт. Мотор чихает. Кашляет. Выхлоп бьет в лицо. Воняет бензином. Мотор ревет. Винт сливается в круг.

Я закрываю фонарь. Пристегиваю ремни. Ремни жмут грудь. Самолет катится по бетону. Трясет. Зубы стучат.

Отрываюсь от земли. Шасси убираются с тяжелым стуком. Высота набирается медленно.

Слева вспышка. Один «Мессер» заходит в хвост. Очередь

трассеров проходит рядом. Пули рвут обшивку. Звук жесткий, сухой. Как гвозди по жести. Я жму ручку от себя. Самолет проваливается вниз. Желудок уходит к горлу. Перегрузка вдавливает в кресло.

Разворот. Солнце бьет в глаза. Я закладываю вираж. Немец проскакивает. Его брюхо блестит. Я жму гашетку. Пулемет трясется. Гильзы летят в окно. Дым идет от ствола.

Трассы попадают в кабину немца. Стекло лопается. Двигатель загорается. Огонь бежит по крылу. Самолет валится в штопор. Тянет дым. Уходит за лес.

В наушниках треск. Голос ведомого.

— Командир! Сзади!

Я оборачиваюсь. Второй «Мессер» уже близко. Слишком близко. Вижу пилота. Он смотрит на меня. В его стекле отражается мой самолет.

Очередь. Удар в левое крыло. Самолет кидает в сторону. Ручка вибрирует. Ремни впиваются в плечи. Мотор ревет на пределе. Теряю высоту. Земля приближается.

Надо прыгать. Открываю фонарь. Ветер бьет в лицо. Рев стоит в ушах. Я отстегиваю ремни. Встаю. Прыжок.

Небо и земля меняются местами. Купол раскрывается. Рывок. Боль в плече. Немец проносится рядом. Обдает выхлопом.

Я падаю в грязь. Удар. В глазах темнеет. В рот набивается земля. Вкус железа и сырости. Лежу. Дышу. Считаю вдохи.

Над головой горит мой «Як». Падает в лес. Взрыв. Черный

столб дыма.

Поднимаюсь. Хромаю. Иду к аэродрому. Впереди палатка. Белый брезент в грязи. Оттуда выходит та девушка. В фартуке. Фартук красный. Руки по локоть в крови. Она смотрит на меня. Не отводит взгляд.

— Живой? — спрашивает она.

— Живой.

— Идите сюда. — Она откидывает полог. — У нас тут двое таких.

Я иду за ней. Внутри пахнет спиртом и йодом. И еще чем-то. Тяжелым, человеческим. На носилках лежат летчики. Один стонет. Другой молчит. Третий уже накрыт шинелью.

Девушка берет бинт. Рвет зубами. Смотрит на меня.

— Руку. — Приказ. Без жалости.

Я протягиваю руку. Она льет спирт на рану. Кожа горит. Я стискиваю зубы. Она мотает бинт. Туго. До хруста.

— Как зовут? — спрашиваю я.

— Аня. — Она завязывает узел. — Командир, вам нужно спиртное. У вас шок.

— Спиртное на складе. — Я встаю. — Закрыто.

— Тогда спите. — Она отворачивается к носилкам. — Завтра еще немцы.

Снаружи грохочет зенитка. Пахнет керосином. И кровью.

Конец первой главы.

Глава 2. Спирт и бинты

Палатка пропахла спиртом. И кровью. Запахи смешиваются. Сладкий, тяжелый дух стоит в горле. Брезент хлопает на ветру. Снаружи стучат молотки. Ремонтируют то, что осталось от самолетов.

Аня стоит у стола. Режет бинты ножницами. Металл щелкает. Ровно. Ритмично. Руки не дрожат. Фартук жесткий от засохшей крови. На воротнике пятна. Она не обращает внимания.

На носилках хрипит летчик. Молодой. Лет двадцати. Осколок пробил грудь. Кровь идет пузырями. Пузыри лопаются. Звук тихий, мокрый.

— Держи его, — говорит Аня.

Я кладу руки на плечи парня. Кости хрустят под пальцами. Он дергается. Ногти скребут дерево носилок. Я давлю сильнее.

Аня наклоняется. Пинцет блестит. Она лезет в рану. Парень орет. Дергается. Я вжимаю его в носилки. Ногами упираюсь в землю.

— Еще раз орешь, и я тебя привяжу, — говорит она.

Парень затихает. Только хрипит. Она вытаскивает осколок. Железо падает в таз. Звон. Она льет спирт. Парень воет. Снова.

— Готово. — Она отходит. Вытирает руки о фартук. —

Следующий.

В палатку заходит комиссар.

Он несет ведро. В ведре вода. Красная. Он ставит ведро на пол. Вода качается. На стенках оседает грязь.

— Троих нет, — говорит он. — Соколова сбили. Второй упал за лес. Третьего не нашли.

— Покажи бумаги. — Аня берет планшет с его руки. Листает. — У меня трое на носилках. Двое тяжелых. Один легкий.

— Легкий — это Соколов. — Комиссар кивает на меня. — Он в порядке. Уже на ногах.

Аня поднимает голову. Смотрит на меня. Взгляд ровный. Оценивающий. Она смотрит на мою руку. На бинт. На лицо. Ищет что-то. Находит.

— В порядке, значит. — Она откладывает планшет. — Тогда поможешь. Мертвых надо выносить.

Мертвых мы носим в сарай.

Они тяжелые. Тела не гнутся. Руки падают. Головы запрокидываются. Пахнет мочой и железом. Я беру за ноги. Комиссар за плечи. Аня идет впереди. Открывает двери. Показывает куда.

В сарае темно. Мухи гудят. Они уже здесь. Летают. Садятся на лица.

Мы кладем первого на солому. Второго рядом. Третий не помещается. Аня отодвигает старые доски. Освобождает место.

— Клади здесь, — говорит она.

Я кладу. Разгибаюсь. Спина горит. Спина ноет от перегрузки. В горле сухо. Хочется пить. Воды нет. Только спирт в палатке.

Возвращаемся. Садимся у входа. Аня достает папиросы. Закуривает. Дым тянется к брезенту. Ветер его сносит.

— Откуда ты? — спрашиваю я.

— Из Ленинграда. — Она выпускает дым. — Училась на третьем курсе. Медицинский.

— Почему здесь?

— Потому что там блокада. — Она смотрит на папиросу. — Мать умерла в декабре. От голода. Квартиру разбомбили.

Она затягивается. Долго. Выпускает дым.

— Больше некуда идти, — говорит она.

Я молчу. Смотрю на ее руки. Кровь под ногтями. Ссадина на костяшке. Свежая.

— А ты? — спрашивает она.

— Что я?

— Почему не сдался? — Она кивает на небо. — Мог прыгнуть раньше. Сел бы в лес. Пешком дошел бы.

— Думал, что дотяну. — Я тру шею. — Хотел спасти машину.

— Машина новая будет. — Она гасит папиросу о сапог. — А тебя не будет.

— У нас каждый самолет на счету.

— У нас каждый летчик на счету. — Она встает. Отряхи-

вает фартук. — Иди спать, командир. Завтра летать.

Я не сплю.

Лежу в землянке. Смотрю в потолок. Там бревна. В щелях земля. Сыплется на лицо. Механически смахиваю. Слушаю звуки. Где-то капает вода. Ровно. Ритмично. Кто-то храпит за перегородкой. Далеко ухает зенитка.

Вспоминаю бой. Немца в перекрестии. Вспышку. Треск обшивки. Вспоминаю палату. Кровь. Парня с осколком. Аню. Как она режет бинты. Не глядя. Четко. Уверенно.

За стеной слышны шаги. Тихие. Шаркающие. Кто-то ходит. Проверяет. Дверь скрипит. Заглядывают. Свет от керосинки ложится на стену. Уходят.

Я поворачиваюсь на бок. Рука ноет. Бинт давит. Под ним горячо. Начинается воспаление. Надо менять повязку. Но сил нет.

Закрываю глаза. В голове ревет мотор. Пахнет керосином. И спиртом. Запахи мешаются. Я проваливаюсь в темноту.

Конец второй главы.

Глава 3. Утренний вылет

В шесть утра меня будит грохот.

Зенитка бьет прямо над головой. Я скатываюсь с топчана. Сапоги на босу ногу. Ремень на ходу. Выскакиваю из землянки. Небо серое. Низкое. В воздухе висит пыль.

Над аэродромом кружит «Рама». Немецкий разведчик. Медленный. Наглый. Он висит там каждое утро. Смотрит. Считает наши самолеты. Записывает в блокнот.

— Соколов! — орет кто-то из штаба. — На перехват!

Я бегу к стоянке. Мой «Як» уже готов. Механик возится у мотора. Лицо в саже. Глаза красные.

— Заправили. Патроны полные. — Он хлопает по крылу. — Только левое шасси поскрипывает.

— Поскрипывает — не отваливается. — Я лезу в кабину.

Ремни затягиваю до хруста. Шлем на голову. Очки на лоб. Мотор ревет. Винт рубит воздух. Самолет выруливает на полосу. Трясет. Колеса подпрыгивают на кочках.

Отрыв. Набираю высоту. Земля уходит вниз. Поля. Лес. Дороги. Изрытые воронками. «Рама» висит справа. Ниже меня. Медленно ползет.

Захожу сзади. Солнце слепит. Прищуриваюсь. В прицеле фюзеляж. Кресты на крыльях. Жму гашетку. Очередь короткая. Трассеры уходят в молоко. Немец дергается вправо. Уходит. Быстро. Слишком быстро.

Я давлю ручку. Иду за ним. Скорость растет. Мотор воет. В ушах свист. «Рама» ныряет к облакам. Я за ней. Облака бьют в лицо. Белая стена. Мгновение. Выныриваю. Немец прямо передо мной. Вижу пилота. Вижу его лицо под шлемом. Он тоже видит меня.

Очередь. Длинная. Дым от ствола. Гильзы стучат в окно. Попал. Правое крыло немца ломается. Самолет заваливается. Тянет дым. Падает.

Я выравниваю машину. Дышу. В горле сухо. Руки дрожат. Не от страха. От усталости.

Возвращаюсь. Посадка мягкая. Шасси скрипит. Катится. Останавливается у ангара. Механик уже бежит. Машет руками.

— Видели! — кричит он. — Сбили!

Я вылезаю. Снимаю шлем. Пот стекает по лбу. Соленый.

В палатке Аня моет пол.

Вода в ведре красная. Она выливает ее в яму. Берет тряпку. Выжимает. Моет дальше. Носилки пустые. Того парня с осколком увезли. В госпиталь. Остальные тоже.

— Тишина, — говорит она. Не оборачивается.

— Пока тишина.

— Ты сбил разведчика. — Она выжимает тряпку. — Я слышала.

— Сбил.

— Долго гонялся.

— Долго.

Она поворачивается. Смотрит на меня. В руках мокрая тряпка. С нее капает.

— Ты не думаешь о себе, — говорит она. — Совсем.

— Думаю.

— Не видно. — Она бросает тряпку в ведро. — Ты лезешь под пули. Гоняешься за немцами. У тебя одна рука не работает. А ты летаешь.

— Летаю.

— Зачем?

— Потому что могу.

Она подходит. Ближе. Ближе, чем нужно. Я вижу пот на ее виске. Вижу пыль на щеке. Родинку над губой.

— Ты умрешь, — говорит она.

— Все умрут.

— Не все. — Она поднимает руку. Пальцы холодные. Касаются моего лба. — У тебя жар.

— Нет.

— Есть. — Она отнимает руку. — Садись. Я посмотрю руку.

Я сажусь на табурет.

Она разматывает бинт. Медленно. Осторожно. Кровь запеклась. Прилипла к ткани. Она тянет. Я стискиваю зубы. Рана красная. Опухшая. Края воспалились.

— Надо чистить, — говорит она.

— Делай.

Она берет скальпель. Спирт. Вату. Руки не дрожат. Лицо

спокойное. Она работает. Быстро. Четко. Боль режет плечо. Я смотрю в стену. На пятно от крови. Старое. Высохшее.

— Терпи, — говорит она.

— Терплю.

Она режет. Промывает. Зашивает. Иголка входит в кожу. Выходит. Тянет нитку. Узел. Еще узел. Я смотрю на ее пальцы. Длинные. Сильные. В мелких шрамах.

— Готово. — Она завязывает бинт. — Теперь три дня без вылетов.

— Нет.

— Это приказ. — Она смотрит прямо. — Медицинский.

— Здесь командую я.

— Здесь командуют немцы. — Она встает. — А я командую руками. И я говорю: три дня.

Она уходит. Ведро качается в руке. Вода плещется. Пятна на полу остаются.

Вечером приходит приказ.

Из штаба. Срочно. Перебазирование. Завтра утром. Новый аэродром. Ближе к фронту.

Я собираю вещи. Немного. Планшет. Карты. Папиросы. Комиссар суетится. Кричит на механиков. Те катят бочки с топливом. Слышен лязг гусениц.

Аня выходит из палатки. Чемодан в руке. Тот самый. Кожаный. Потертый. Смотрит на меня. Ждет.

— Ты едешь? — спрашиваю я.

— Медсестра едет с эскадрильей. — Она поднимает че-

модан. — Правила.

— Правила.

Она идет к полуторке. Грузовик уже фырчит мотором. В кузове сидят летчики. Кто-то спит. Кто-то курит. Я подаю ей руку. Она берется. Забирается. Садится на ящик.

Я сажусь рядом. Грузовик дергается. Едем. Ветер бьет в лицо. Пахнет бензином и пылью.

Аня смотрит вперед. На дорогу. Волосы выбиваются из-под косынки. Она их не поправляет.

— Три дня, — говорит она, не глядя.

— Что?

— Три дня без вылетов. — Она поворачивает голову. — Я проверю.

Я усмехаюсь. Отворачиваюсь. Смотрю на дорогу. Впереди новый аэродром. Новые немцы. Новые вылеты.

И она. Рядом.

Конец третьей главы.

Глава 4. Новая земля

Грузовик трясет на ухабах.

Кузов подбрасывает. Ящики с патронами лязгают. Бензин в бочках плещется. Запах стоит тяжелый. Впереди колонна. Пыль столбом. Дышать нечем. Песок скрипит на зубах.

Аня сидит напротив. Держится за борт. Костяшки белые. Грузовик кидает влево. Она подается вперед. Плечо упирается в мое. Не отстраняется. Держится.

В кузове еще пятеро. Летчики спят. Один блюет за борт. Ветер сносит. Никто не смотрит.

Дорога уходит в лес. Деревья близко. Ветки хлещут по брезенту. Грузовик петляет. Объезжает воронки. Воронки глубокие. Внизу вода. Черная.

Мотор ревет. Водитель жмет. Тормозит резко. Все валятся вперед. Аня хватается за меня. Пальцы впиваются в рукав. Отпускает. Отодвигается.

— Приехали, — говорит водитель. Стучит по кабине.

Аэродром оказался хуже прежнего.

Взлетка разбита. Воронки засыпаны щебнем. Капониры из земли и бревен. Самолеты стоят под маскировочными сетями. Сетки рваные. Ветки торчат. Пахнет сырой землей.

Штаб — блиндаж. Три наката. Дверь из досок. Внутри дым. Керосинка коптит. На столе карты. Кружки. Пепельница полная.

Командир полка — полковник Громов. Лицо тяжелое. Мешки под глазами. Рука на перевязи. Смотрит на меня. Долго. Молча.

— Соколов. — Он отодвигает карту. — Слыхал. Сбил «Раму».

— Сбил.

— Хорошо. — Он берет карандаш. Тычет в карту. — Немцы готовят наступление. Танки. Пехота. Нам приказано прикрывать шоссе. Каждый вылет на счету.

— Понял.

— Не понял. — Он поднимает голову. — У нас четыре машины. Летчиков шесть. Остальные — мальчишки. Только из училища. Летать не умеют.

— Научим.

— Учи. — Он бросает карандаш. — Времени мало.

Аня разгружает чемодан.

Палатка новая. Брезент целый. Но пол земляной. Пахнет плесенью. Она раскладывает бинты. Инструменты. Склянки. Ставит на ящик. Рядом кладет пистолет. Тяжелый. ТТ. Проверяет обойму. Загоняет обратно. Щелчок.

— Зачем тебе? — спрашиваю я.

— Немцы близко. — Она не поднимает головы. — Если прорвутся, я не побегу.

Она ставит пистолет на место. Смотрит на меня.

— Рука как?

— Работает.

— Покажи. — Она подходит. Разматывает бинт. Осматривает шов. Промывает. Заматывает заново. — Еще два дня.

— Завтра вылет.

— Два дня, Соколов.

— Приказ полка.

Она замирает. Смотрит вверх. Прямо в лицо. Долго. Потом отступает.

— Твое дело, — говорит она. — Но если дернешь рукой в небе, шов разойдется. Кровь зальет кабину. Ты потеряешь сознание. И упадешь.

— Я не упаду.

— Все падают. — Она отворачивается к ящику. — Рано или поздно.

Ночью я не сплю.

Выхожу из землянки. Воздух холодный. Тянет сыростью. Лес шумит. Ветки скрипят. Над головой звезды. Много. Ярко.

У палатки кто-то стоит. Маленькая фигура. Курит. Огонек вспыхивает. Гаснет.

Подхожу. Аня. В телогрейке поверх гимнастерки. Сапоги. Волосы распущены. В свете звезд темные.

— Не спится? — спрашиваю я.

— Не спится. — Она выпускает дым. — Привыкла к шуму. Здесь тихо.

— Тихо.

Она смотрит на небо. Затягивается.

— В Ленинграде было так же, — говорит она. — Ночью тихо. Только сирена. И ты не знаешь, попадет в твой дом или нет. Лежишь. Слушаешь. Ждешь.

— И что?

— И ничего. — Она гасит папиросу. — Ждешь. Утром встаешь. Идешь работать. Вечером снова ждешь.

Она поворачивается ко мне. В темноте лица не видно. Только силуэт.

— Ты когда-нибудь терял кого-то? — спрашивает она.

— Терял.

— Кого?

— Мать. В сорок первом. Под бомбежкой. — Я смотрю на лес. — Отца в финскую. Друзей. Много.

— И как?

— Что как?

— Как живешь?

Я молчу. Долго. Ветер шумит в кронах.

— Привык, — говорю я.

— Врешь.

— Вру.

Она делает шаг. Ближе. Тепло ее тела чувствуется сквозь холод.

— Я тоже вру, — говорит она.

Утром приходит приказ на вылет.

Четыре машины. Шесть летчиков. Я веду первую пару. Мальчишки из училища — вторую. Им по девятнадцать. У

одного веснушки. У другого шрам на подбородке. Смотрят на меня. Ждут.

— Держаться за мной, — говорю я. — Не отрываться. Не геройствовать. Если атакуют — заходим в облака. Понятно?

— Понятно. — Голоса ломаются.

Я лезу в кабину. Ремни затягиваю. Шлем. Очки. Мотор ревет. Рука ноет под бинтом. Я сжимаю ручку. Боль простреливает плечо. Терплю.

Взлет. Земля уходит. Лес темнеет внизу. Впереди шоссе. Немецкая колонна. Танки. Грузовики. Пыль.

Захожу с высоты. Солнце за спиной. В прицеле головной танк. Жму гашетку. Очередь. Трассеры уходят в цель. Броня брызгает искрами. Танк останавливается. Из люка выпрыгивает фигура. Бежит. Падает.

Сзади крик в наушниках.

— Командир! «Мессеры»!

Четыре точки с запада. Быстро. «Фокке-Вульфы». Новые. Тяжелые.

Я бросаю самолет в вираж. Перегрузка давит. Ремни режут плечи. Смотрю назад. Один из мальчишек отстал. Его накрывают. Очередь. Дым. Он падает. Кувыркаясь.

— Прыгай! — ору в микрофон. — Прыгай!

Не прыгает. Молчит. Самолет врезается в землю. Взрыв.

Я разворачиваюсь. Иду в лоб. Немец стреляет. Трассы проходят рядом. Ручка вибрирует. Я жму гашетку. Очередь. Длинная. Немец вспыхивает. Проскакивает мимо. Тя-

нет дым.

Второй «Фокке-Вульф» заходит сзади. Я не успеваю. Удар в хвост. Самолет бросает. Ручка мертвая. Мотор глохнет. Тишина в кабине.

Земля близко. Очень. Я открываю фонарь. Прыжок.

Конец четвертой главы.

Глава 5. Грязь

Купол раскрывается рывком. Ремни режут пах. Боль простреливает до костей. Ветер бьет в лицо. Ноги болтаются в воздухе. Внизу лес. Темный. Ветки как копья.

Я лечу вниз. Земля несется навстречу. Удар о кроны. Треск сучьев. Лицо царапает ветка. Купол цепляется за сосну. Меня дергает. Останавливает. Я вишу в трех метрах от земли. Качаюсь.

Отстегиваю ремни. Падаю. Вниз. В грязь. Вода заливает сапоги. Холодная. Воняет гнилью. Лежу. Считаю вдохи. Один. Два. Три.

Встаю. Спина ноет. Рука под бинтом горит. Шов разошелся. Чувствую влагу под тканью. Кровь. Много.

Самолет упал далеко. Дым виден сквозь деревья. Черный столб. Моторный гул стих. Только треск огня.

Иду. Сапоги чавкают. Ветки хлещут по лицу. Пахнет гарью. И еще чем-то. Бензином.

На поляне нахожу обломки. Крыло в кустах. Фюзеляж в яме. Кабина разбита. Пилот не выбрался. Мальчишка из училища. Веснушки. Глаза открыты. Смотрит в небо. Я закрываю ему глаза ладонью. Веки холодные.

Снимаю планшет. Карту. Документы. Кладу в карман. Иду дальше.

К вечеру выхожу к дороге.

Колонна немцев. Грузовики. Танки. Пыль. Идут на восток. Я лежу в кустах. Смотрю. Считаю. Один танк. Два. Три. Пехота. Много.

Рядом с дорогой — дом. Крыша сгорела. Стены стоят. Дым идет. Там немцы. Двое. Курят. Смеются. Один пьет из фляги. Второй держит автомат.

Я достаю пистолет. ТТ. Патронов мало. Восемь. Проверяю затвор. Щелчок. Тихо.

Подползаю. Грязь лезет в рот. Вкус земли. Мокро. Тихо. Ближе. Ближе.

Первый немец поворачивается. Видит. Открывает рот. Я стреляю. Один выстрел. В голову. Он падает. Второй хватает автомат. Я стреляю снова. Два выстрела. В грудь. Он падает на спину. Автомат стучит о землю.

Тишина. Только дым. И запах крови. Сладкий. Тошнотворный.

Забираю автомат. Патроны. Флягу. Вода теплая. Пахнет шнапсом. Пью. Горло дерет. Иду дальше.

К своим выхожу ночью.

Часовой окликает. Пароль. Я отвечаю. Голос хриплый. Меня ведут в штаб. Громов сидит за столом. Смотрит. Молчит. Долго.

— Живой, — говорит он.

— Живой.

— Двоих потеряли. — Он смотрит на карту. — Мальчишки. Один сбит. Второй вернулся. Царапина.

— Я знаю.

— Ты знаешь. — Громов поднимает голову. — А немцы знают, что мы потеряли две машины. Они давят. Завтра новый вылет.

— Понял.

— Иди. — Он отворачивается. — Медсестра тебя ищет.

Аня стоит у палатки.

Фонарь в руке. Свет бьет в землю. Она видит меня. Идет навстречу. Быстро. Подходит. Близко. Смотрит на руку. На кровь. На лицо.

— В палатку, — говорит она.

— Я в порядке.

— В палатку.

Я иду за ней. Внутри пахнет спиртом. И йодом. Она ставит фонарь. Достает бинт. Ножницы. Спирт.

— Снимай куртку.

Я снимаю. Рубашка прилипла к ране. Она режет ткань. Разрезает бинт. Шов разошелся. Края красные. Кровь сочится.

— Я же говорила, — тихо. — Два дня.

— Приказ.

— Приказ. — Она берет иглу. — Приказы пишут те, кто не летает.

Она промывает. Шьет. Иголка входит. Выходит. Тянет. Узел. Я смотрю на ее руки. На пятна крови. На свои пятна. На ее.

— Ты убил кого-то? — спрашивает она. Не поднимает головы.

— Убил.

— Немцев?

— Двоих.

Она затягивает узел. Отрезает нитку. Смотрит на меня.

— Хорошо, — говорит она.

— Хорошо?

— Они бы тебя не пожалели. — Она берет бинт. — И меня.

Она мотает бинт. Туго. Я чувствую ее руки. Теплые. Живые.

— Аня.

— Что?

— Ты когда-нибудь стреляла в человека?

Она замирает. Смотрит на меня. Долго. Молча.

— Нет, — говорит она.

— Придется.

Она завязывает узел. Отступает. Смотрит в сторону.

— Знаю, — говорит она. — Поэтому и спрашиваю.

Конец пятой главы.

Глава 6. Тишина перед боем

Утро началось с тишины.

Не с грохота. Не с рева моторов. С тишины. Ни ветра. Ни птиц. Ни выстрелов. Только сырость. Туман стоит стеной. Белый. Плотный. Аэродром утонул в нем. Самолеты видны наполовину. Капониры скрыты.

Я сижу на ящике из-под патронов. Пью чай. Он холодный. Пахнет железом. Кипяток кончился ночью.

Аня выходит из палатки. Умытая. Волосы собраны. Фартук чистый. Сегодня чистый. Пока чистый. Она несет кружку. Садится рядом. Плечо касается моего.

— Не летаешь? — спрашивает она.

— Туман. Ждем.

— Долго?

— Пока не рассеется.

Она кивает. Пьет. Смотрит в белизну. Туман глушит звуки. Шаги механиков далеко. Голоса не слышны.

— Хорошо, — говорит она.

— Что хорошо?

— Тихо. — Она пьет. — Не надо думать. Что там. Наверху.

— Там никого. Туман.

— Знаю.

Из штаба выходит Громов.

Идет к нам. Хромает сильнее обычного. Сапог на левой ноге разрезан. Опухоль. Он останавливается. Смотрит на нас. На меня. На Аню.

— Соколов. — Голос жесткий. — Разведка доложила. Немцы стягивают силы у шоссе. Танковая колонна. Двадцать машин. Пехота. Завтра утром ударят.

— Понял.

— Нам приказано сдержать. Любой ценой. — Он смотрит на небо. — Туман рассеется к обеду. Вылетаем.

— Понял.

Громов уходит. Аня смотрит на его спину. Потом на меня.

— Двадцать танков, — говорит она.

— Двадцать.

— Сколько вас?

— Три машины.

Она молчит. Долго. Пьет. Кружка пустая. Она ставит ее на землю.

— Ты вернешься, — говорит она. Не спрашивает.

— Вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она поворачивается. Смотрит в лицо. Долго. Без улыбки.

— Врешь, — говорит она.

— Вру.

Туман рассеялся к полудню.

Солнце бьет в глаза. Взлетка блестит от влаги. Механики

бегут. Заправляют. Подвешивают бомбы. Бомбы тяжелые. Осколочные.

Я подхожу к самолету. Новый «Як». Вчерашний сгорел. Этот свежий. Краска блестит. Мотор ровный.

— Проверь рули, — говорю механику.

Он кивает. Дергает. Закрылки ходят. Ровно.

Аня стоит у стоянки. Не подходит. Смотрит.

Я иду к ней. Сапоги скрипят по бетону.

— Ну, — говорит она.

— Ну.

Она достает из кармана фартука что-то. Маленькое. Металлическое. Протягивает. Медальон. Овальный. Потертый.

— Мать дала, — говорит она. — Перед смертью. Сказала, чтобы берегла.

Я беру. Металл теплый. Тяжелый. Внутри что-то есть. Не открываю.

— Зачем? — спрашиваю.

— Возьми. — Она смотрит в сторону. — Вернешь. Когда сядешь.

— А если не сяду?

— Тогда не вернешь. — Она поднимает голову. — И я найду тебя. В самолете. В поле. Где угодно. И заставлю вернуть.

Я сжимаю медальон. Кладу в карман гимнастерки. Прямо к сердцу. Тяжесть чувствуется сквозь ткань.

— Верну, — говорю я.

— Верни.

Она отворачивается. Уходит к палатке. Спина прямая. Не оборачивается.

Взлет.

Три машины. Я веду. Ведомые — парни из училища. Один вчера вернулся с царапиной. Второй — новенький. Молчит. Побелел.

Набираем высоту. Земля уходит. Шоссе видно внизу. Тонкая нитка. На ней — пыль. Колонна. Танки. Много.

Захожу с солнца. В прицеле головной танк. Жму гашетку. Бомба отрывается. Летит вниз. Взрыв. Огонь. Танк встает. Дым.

Второй заход. Еще один танк. Горит. Пехота разбегается. Маленькие фигурки. Падают. Встают. Бегут.

В наушниках крик:

— Справа! Справа!

«Фокке-Вульфы». Четыре. Заходят сверху. Трассы. Ведомый вспыхивает. Падает. Кувыркаясь.

Я разворачиваюсь. Иду в лоб. Очередь. Немец проскакивает. Тянет дым. Второй заходит сзади. Я давлю ручку. Самолет проваливается. Удар. В правое крыло. Трясет. Ручка вибрирует. Мотор ревет.

Земля близко. Надо тянуть. Надо дотянуть до аэродрома.

Тяну. Ручка тяжелая. Самолет слушается. Едва. Мотор чихает. Дым из-под капота. Гарь в кабине. Дышать нечем.

Снижаюсь. Впереди полоса. Механики бегут. Машут.

Шасси выпускаю. Скрип. Касание. Тряска. Колеса катятся. Останавливаюсь.

Фонарь открываю. Вылезаю. Ноги не держат. Падаю на бетон. Руки в масле. Лицо в саже.

Надо мной склоняется Аня. Лицо белое. Губы сжаты.

— Живой? — спрашивает она.

— Живой.

Она бьет меня по щеке. Ладонью. Звонко.

— Идиот, — говорит она. — Ты обещал.

Я достаю медальон. Протягиваю. Металл в саже. Она берет. Сжимает в кулаке.

— Вернул, — говорит она. И плачет. Без звука.

Конец шестой главы.

Глава 7. Ночь после боя

Бетон холодный.

Я лежу на спине. Смотрю в небо. Оно серое. Дым от горящего самолета тянется вверх. Долго. Медленно. Оседает на языке. Горько.

Аня стоит на коленях. Руки дрожат. Она держит медальон. Сжимает. Костяшки белые.

— Вставай, — говорит она. Голос сухой.

Я пробую. Локти скользят. Колени подгибаются. Она хватает за ворот. Тянет. Рывком. Ставит на ноги. Держит. Покачивает.

— Идти можешь?

— Могу.

Она отпускает. Я делаю шаг. Второй. Третий. Ноги ватные. Но идут.

Мы идем к палатке. Медленно. Она рядом. Не касается. Но близко. Так близко, что я слышу ее дыхание. Сбитое. Неровное.

Внутри пахнет спиртом. И гарью. Гарь тянет с улицы. Через щели в брезенте.

Я сажусь на табурет. Она снимает с меня куртку. Молча. Разрезает рукав. Рука распухла. Кожа красная. Ожог от масла. Волдыри.

Она берет спирт. Льет. Я стискиваю зубы. Кулаки сжима-

ются. Боль режет плечо. Долго. Не отпускает.

— Еще двое, — говорю я. Сквозь зубы.

— Что?

— Ведомые. Двое. Сбили. Один упал. Второй. Не знаю.

Она замирает. Бинт в руке. Смотрит на меня.

— Мертвы? — спрашивает она.

— Один точно. Второй. Не видел.

Она мотает бинт. Молча. Быстро. Завязывает. Отходит. Спина прямая.

— Сколько можно, — говорит она. Не мне. Себе.

В штабе дым.

Громов сидит за столом. Перед ним карта. На карте красные пометки. Много. Он водит карандашом. Чертит. Стирает. Чертит снова.

— Доложи, — говорит он. Не поднимает головы.

Я докладываю. Танки. Колонна. Потери. Двое. Он слушает. Молчит. Карандаш ломается. Он бросает обломок. Берет новый.

— Немцы не остановятся, — говорит он. — Завтра пойдут снова. Нам нужно держать шоссе. Любой ценой.

— Люди устали.

— Устали. — Он поднимает голову. — Я тоже устал. Война не спрашивает.

— Сколько вылетов?

— Три. Утром. В полдень. Вечером. — Он смотрит на меня. — Ты поведешь все три.

— Понял.

— Иди. — Он отворачивается к карте. — И Соколов.

— Что?

— Сегодня ты сбил двоих. Молодец. Но завтра их будет больше. Гораздо больше.

Ночью я не сплю.

Выхожу из землянки. Туман снова. Сырость. Пахнет землей и гарью. Гарь не выветрилась. Въелась в одежду. В кожу.

Аня у палатки. Стоит. Курит. Огонек вспыхивает. Гаснет. Подхожу. Встаю рядом.

— Не спится, — говорю я.

— Не спится.

Она протягивает папиросу. Я беру. Затягиваюсь. Дым горький. Теплый. Отдаю.

— Завтра три вылета, — говорит она.

— Три.

— Ты не вернешься.

— Вернусь.

— Не ври. — Она поворачивается. Смотрит. В темноте лица не видно. — Только не мне. Я видела, как ты падал. Вчера. Сегодня. Завтра ты упадешь снова. И не встанешь.

— Может быть.

— Не может. — Она делает шаг. Ближе. — Ты не хочешь жить. Ты не бережешь себя. Ты не.

Она замолкает. Отворачивается. Затягивается. Дым уходит в туман.

— Я не хочу, чтобы ты умирал, — говорит она тихо.

Я молчу. Долго. Туман глушит звуки. Шагов не слышно. Голосов не слышно.

— Аня.

— Что?

— Я тоже не хочу.

Она бросает папиросу. Втаптывает в грязь. Подходит. Близко. Очень. Пальцы ложатся на ворот. Тянут. Я наклоняюсь. Она целует.

Губы холодные. Дрожат. Она прижимается. Крепко. Отчаянно. Я обнимаю. Рука болит. Плевать.

Она отстраняется. Дышит тяжело.

— Я не должна была, — говорит она.

— Должна.

— Это не поможет.

— Поможет.

Она смотрит. Долго. Потом уходит. В палатку. Брезент хлопает. Тишина.

Глава 8. Три вылета

Первый вылет начался в шесть.

Туман рассеялся. Небо чистое. Синее. Солнце бьет в глаза. Я лезу в кабину. Ремни затягиваю до хруста. Шлем. Очки.

Ведомый — новенький. Тот, что побелел вчера. Лицо серое. Руки дрожат на ручке.

— Держись за мной, — говорю в микрофон. — Не отрывайся. Понял?

— Понял. — Голос ломается.

Взлет. Земля уходит. Шоссе внизу. Колонна. Много. Танки. Грузовики. Пехота.

Захожу. Бомба отрывается. Взрыв. Танк встает. Дым. Второй заход. Еще один. Горит.

Зенитка бьет снизу. Черные шапки разрывов. Рядом. Самолет трясет. Осколки стучат по броне. Ведомый держится. Молодец.

Возвращаемся. Посадка. Механики бегут. Заправляют. Подвешивают бомбы. Я не вылезаю. Жду. Пью воду из фляги. Теплая. Пахнет железом.

Второй вылет начался в полдень.

Солнце в зените. Жара. Кабина раскалена. Дышать нечем. Ремни жгут. Пот заливает глаза.

Колонна ближе. Немцы подошли к переправе. Танки на мосту. Много. Я захожу. Бомба. Взрыв. Мост рушится. Танк

падает в воду. Дым. Пар.

«Фокке-Вульфы» сверху. Четыре. Заходят. Ведомый кричит. Трассы. Его крыло вспыхивает. Он тянет вниз. К земле. Падает. Взрыв.

Я разворачиваюсь. Иду в лоб. Очередь. Немец проскакивает. Дым. Второй. Заходит сзади. Удар. В хвост. Ручка вибрирует. Мотор ревет. Тяну. Тяну до полосы.

Садка. Жесткая. Шасси скрипят. Останавливаюсь. Вылезаю. Ноги держат. Пока держат.

Третий вылет начался в семь.

Вечер. Солнце садится. Красное. Небо горит. Пахнет гарью. Стоялой гарью. Колонна разбита. Но немцы идут. Пехота. Много. Вдоль шоссе.

Нас двое. Я и мальчишка. Тот, что с царапиной. Он вернулся. Живой.

Заходим низко. Бомбы. Взрывы. Огонь. Пехота разбегается. Падает. Встает. Бежит.

Зенитка. Разрыв справа. Самолет кидает. Осколок в кабину. Стекло трескается. Кровь на щеке. Своя. Теплая.

— Командир! — кричит ведомый. — Горишь!

Дым из-под капота. Мотор чихает. Тяну. Ручка тяжелая. Земля близко.

Дотягиваю. Сажусь. Жестко. Колеса подпрыгивают. Останавливаюсь. Фонарь открываю. Вылезаю. Падаю на бетон. Не встаю.

Аня бежит. Быстро. Фартук развевается. Она падает на

колени рядом. Руки шарят по лицу. По груди. Ищут раны.

— Живой? — спрашивает.

— Живой.

Она выдыхает. Долго. Смотрит. Потом бьет по плечу. Больно.

— Три вылета, — говорит она. — Три.

— Три.

— Идиот. — Она вытирает кровь со щеки. — Надо зашить.

В палатке тускло.

Фонарь коптит. Я сижу на табурете. Аня шьет щеку. Иголка колет. Вхожу в кожу. Выходит. Тянет. Узел.

— Красиво будет, — говорит она. — Шрам.

— Мне идет.

— Всем идет. — Она отрезает нитку. — Война всем идет.

Она садится напротив. Смотрит. Долго. Молча.

— Завтра, — говорит она.

— Завтра.

— Сколько еще?

— Не знаю. Пока не остановятся.

— А если не остановятся?

— Тогда не знаю.

Она берет мою руку. Сжимает. Пальцы холодные. Дрожат.

— Я не хочу тебя хоронить, — говорит она.

— Не хорони.

— Я не хочу.

— Не хорони.

Она наклоняется. Прижимается лбом к моему плечу. Дышит. Тихо. Долго.

Снаружи грохочет зенитка. Далеко. Пахнет керосином. И гарью.

Конец восьмой главы.

Глава 9. Немец за перелеском

Утро пришло без тумана. Небо чистое, синее, пустое. Ни облачка. Птицы молчат. Пахнет гарью и бензином. Вчерашний дым осел на траве, на брезенте палатки, на лицах.

Я выхожу из землянки. Бинт на руке грязный. Пора менять. Ребра ноют после жесткой посадки. Нога подвернулась при падении с крыла. Хромаю сильнее обычного. Механики уже возятся у самолетов. Стучат ключами. Лязгают. Матерятся.

Громов стоит у штаба. Курит. Смотрит на карту, разложенную на капоте полуторки. Карандаш в руке, обломанный. Он втыкает его в бумагу, чертит линию, стирает, чертит снова.

— Соколов, — зовет он.

Я подхожу.

— Слушай внимательно. — Он поднимает голову. Мешки под глазами темные, как синяки. — Ночью наши взяли языка. Ефрейтор. Он раскололся. Немцы готовят прорыв. Не танками. Пехотой. В обход шоссе. Через лес.

— Где?

— Здесь. — Он тычет карандашом в карту. — Перелесок. Овраг. Они пойдут на рассвете. Нам нужно прикрыть.

— Летчиками?

— Летчиками. — Громов тушит папиросу о капот. — Но

у нас проблема. Артиллерия не достает. Пехоты нет. Только мы.

— Что мы можем сделать с воздуха?

— Разбомбить овраг. Перекрыть дорогу. В общем, не дать им пройти.

Я смотрю на карту. Перелесок. Овраг. Узкое место. Немцы полезли в него с тяжелой техникой — значит, встанут намертво, если ударить сверху.

— Понял. — Я отхожу от карты.

В палатке Аня меняет бинт на другом летчике. Парень молодой, лицо серое, рука висит плетью. Она стягивает повязку, обрезает ножницами старый бинт. Пахнет спиртом и кровью. Тошнотворно. Она работает быстро. Иголка шьет.

Я жду у входа. Не мешаю. Парень стонет. Она говорит ему: «Терпи». Он терпит.

Потом она выходит. Вымокший фартук, пятна. Волосы прилипли к вискам.

— Руку давай, — говорит она.

Я протягиваю. Она снимает бинт. Кожа красная. Шов держится. Края заживают, но медленно. Она промывает спиртом. Я дышу через нос. Лицо неподвижное.

— Ты хромаешь, — говорит она, не поднимая головы.

— Подвернул.

— Сядь.

Я сажусь. Она снимает с меня сапог. Опухоль на лодыжке синяя. Она нажимает. Я дергаюсь.

— Больно?

— Нет.

— Врешь. — Она берет эластичный бинт. — Перетяну. До утра не снимать. И не летать.

— Не могу. Приказ.

Она замирает. Смотрит на меня. Долго. В руке бинт.

— Каждый раз одно и то же, — говорит она. — Приказ. Приказ. Приказ. А людей нет.

— Есть люди. Но если мы не полетим, немцы пройдут через овраг и ударят в тыл. Тогда людей не будет совсем.

Она затягивает бинт. Туго. Отпускает. Встает.

— Если ты упадешь, я не пойду тебя искать, — говорит она.

— Знаю.

— Я останусь здесь.

— Знаю.

Она смотрит мне в глаза. Долго. Молчит.

— Иди уже, — говорит она.

Перед вылетом я проверяю самолет. Стою на крыле, смотрю на мотор, на винт, на приборы в кабине. Проверяю патроны, бомбы. Бомбы тяжелые, осколочные, подвешены под крылом. Одна осечка — и от кабины ничего не останется.

Ко мне подходит ведомый. Молодой парень с веснушками. Глаза горят. Он вчера вернулся с царапиной. Сегодня летит второй раз.

— Командир, — говорит он. — А немцы правда пойдут

через овраг?

— Правда.

— А мы их?

— Мы их встретим.

Он улыбается. Нервно. Понимает, что может не вернуться.

— Запомни, — говорю я. — Бомбим овраг. Сбрасываем и уходим. В бой с истребителями не вступаем. У нас нет прикрытия.

— Понял.

Взлет.

Три машины. Я, веснушчатый и еще один, тихий парень. Сразу забираем вправо, уходим от шоссе. Лес внизу темный, тяжелый. Ветер несет запах хвои.

Перелесок вижу сверху. Овраг — глубокая трещина в земле, как рана. На дне — техника. Танки. Грузовики. Пехота. Копошатся, как муравьи. Много. Я считаю. Восемь танков. Десятки машин. Люди.

— Заходим с северо-востока, — говорю в микрофон. — Цель — головной танк. По моей команде.

Захожу. Солнце сзади. Прицел ловит танк. Он стоит на дне, на самом узком месте.

— Бомбы!

Бомба отрывается. Тяжесть уходит, самолет подбрасывает вверх. Взрыв. Вспышка. Танк встает на дыбы, сваливается на бок, из люка рвется пламя. Дым густой, черный.

Ведомый бросает следом. Еще один танк. Горит.

Снизу бьют зенитки. Черные клубы дыма встают стеной. Осколок стучит по обшивке. Я слышу, как в кабину летит металл. Пахнет горелой тканью. Самолет трясет.

— Уходим! — ору. — Сброс!

Я вижу, как тихий парень не успевает выйти из пике. Очередь прошивает его кабину. Мотор вспыхивает. Самолет врезается в склон оврага. Взрыв. Огонь. Много огня.

Я тяну ручку на себя. Земля уходит. Небо чистое. В ушах свист. Ремни режут грудь.

Возвращаемся. Двое. Из трех — двое.

На аэродроме тишина. Такая, что звенит в ушах. Я вылезаю из кабины. Сапоги стучат по бетону. Механики молчат. Смотрят на меня. Один отворачивается, уходит в тень ангара.

Аня стоит у палатки. Я вижу ее издалека. Она не бежит ко мне. Стоит и смотрит.

Подхожу. Сапоги чавкают по грязи. Останавливаюсь в двух шагах.

— Овраг закрыт, — говорю я. — Танки сожгли. Проход перекрыт.

— А третий? — спрашивает она.

— Сбили. Взорвался.

Она молчит. Потом поворачивается и уходит в палатку. Брезент опускается за ней.

Я стою на грязи. Смотрю на закрытый брезент. Ветер

несет запах гари. И еще чего-то. Сладкого. Жженого мяса.

К вечеру я захожу в палатку.

Аня сидит на табурете. Спиной к двери. Не оборачивается. На столе разложены бинты, инструменты. Она держит ножницы и режет ткань. Ровно, быстро. Звук режущей ткани.

— Аня.

Она не отвечает. Ножницы продолжают щелкать.

— Я вернулся.

— Знаю. — Она кладет ножницы. — Я видела.

— Ты просила не ходить.

— Просила. — Она поворачивается. — Ты пошел.

— Я должен был.

Она встает. Подходит. Близко. Смотрит прямо в глаза. В ее взгляде нет злости, нет жалости, нет страха. Только пустота. Холодная, ровная.

— Я видела, как он упал, — говорит она. — Стояла на крыльце. Видела вспышку. Слышала взрыв. И знала, что это не ты. Пока что не ты.

— Аня.

— Что?

— Не надо.

Она усмехается. Сухо. Без тепла.

— Не надо. — Повторяет она. — Ты не знаешь, что надо. Ты знаешь только приказы.

Она отходит к столу. Берет спирт. Льет на руки. Растира-

ет. Пахнет спиртом.

— У тебя кровь на шее, — говорит она. — Садись. Обработаю.

Я сажусь. Она вытирает шею ватой. Спирт жжет. Молчим. Долго. Очень долго.

— Завтра, — говорит она наконец. — Будет еще вылет?

— Будет.

— Сколько?

— Пока не остановятся.

Она замирает. Ватный тампон в руке. Смотрит на меня.

— Я больше не буду тебя просить, — говорит она. — И умолять не буду. И плакать не буду. Просто знай. Если ты погибнешь, я найду твою могилу. И скажу все, что не успела.

Она отбрасывает тампон. Уходит. Брезент хлопает.

Я остаюсь один. В палатке пахнет спиртом, йодом и чем-то еще. Чем-то горьким. Тем, что остается после слез.

Ночью я стою у самолета.

Луна висит над лесом. Белая, круглая. В ее свете бетон кажется серебряным. Ветер шуршит травой. Пахнет холодом.

Я достаю медальон. Металл теплый. Тяжелый. Сжимаю в кулаке. Смотрю на луну. Думаю о завтрашнем дне.

Я не боюсь смерти. Я боюсь, что после меня останется только этот медальон. И тишина.

За спиной шаги. Тихие. Шаркающие.

Я не оборачиваюсь. Знаю, кто это.

— Не спится, — говорит Аня.

— Не спится.

Она встает рядом. Смотрит на луну.

— Я не хотела говорить это, — говорит она. — Днем. Про могилу.

— Знаю.

— Я просто испугалась. — Она делает паузу. — Когда ты улетаешь, я стою и слушаю моторы. Пока они гудят, все в порядке. Как только тишина — значит, либо сел, либо упал. И я жду. Каждую секунду. Каждую минуту. Пока не увижу твою машину на полосе.

— Я вернусь.

— Я знаю. — Она поворачивается ко мне. — Просто не заставляй меня ждать слишком долго.

Конец девятой главы.

Глава 10. В окопах

Утром нас подняли по тревоге.

Не было привычного гула моторов или зенитного огня. Пришел приказ пехоты: немцы прорвались через лес. Овраг мы завалили, но они нашли другой путь. Теперь их передовые отряды в двух километрах от аэродрома. Вертолетов нет, артиллерии нет. Только мы.

Громов собрал всех. Летчики, механики, оружейники, повара. Все стояли на бетоне. Холодный ветер трепал брезент. Лица серые, невыспавшиеся.

— Мужики, — сказал Громов. Голос хрипел. — Держать оборону некому. Пехота в окружении. Если немцы займут аэродром, мы не сможем взлететь. Все сдохнем здесь, как крысы.

Он обвел взглядом толпу.

— У нас есть винтовки. Пулеметы. Противотанковые ружья. Мы будем держать периметр. Летчики — в окопы. Механики — к оружию. Медсестры — готовить носилки.

Тишина стояла густая, как деготь. Кто-то кашлянул. Громов продолжил:

— Я знаю, вы не пехота. Вы летаете. Но сейчас вы — последний заслон. Понятно?

— Понятно, — ответил я за всех.

Окопы рыли прямо за капонирами.

Земля была твердой, с камнями. Лопата билась о грунт, высекала искры. Я снял гимнастерку, остался в нательной рубахе. Рука под бинтом горела, но я не обращал внимания. Бил лопатой. Ровно. Ритмично.

Рядом копал веснушчатый парень. Тот, что летал со мной. Сейчас он был просто мальчишкой с грязными руками и мозолями на ладонях.

— Командир, — сказал он, вытирая пот со лба. — А вы когда-нибудь в окопах сидели?

— Сидел. В финскую.

— И как?

— Мокро. Холодно. Страшно. Но жить можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.